

И. А. Бескова

Эго-сознание как поверхностная структура*

В предлагаемой вниманию читателя статье я буду исходить из того, что природа внешне единой реальности «человек» неоднородна: различные уровни ее организации имеют собственную логику формирования, собственные законы функционирования, собственные возможности взаимодействия с миром, а также располагают собственными ресурсами репрезентации плодов (результатов) такого взаимодействия. В частности, будут выделены следующие пласты: происходящее в человеке на уровне *отдельных* субсистем организма, на уровне организма как *их совокупности* и на уровне «человек как *новое целое*». Первые два уровня я называю базовыми, последний — производным.

Таким образом, во всех случаях речь будет идти об объединенном субстрате, об организме, но в первом — с точки зрения происходящего в его субсистемах, во втором — с точки зрения происходящего в нем самом, как в совокупности своих подсистем, и в третьем — в нем самом, как новом самостоятельном образовании — целом, возникшем из совокупности субсистем. Эти три взгляда на организм отражают три разных стадии его формирования и три разных плоскости его функционирования, которые *вполне равноправны*.

Однако разве может быть так, чтобы один и тот же субстрат имел разные характеристики в зависимости от режима функционирования?

Чтобы стало понятнее, как такое возможно, приведу случай диссоциативного расстройтва по типу множественной личности. Женщина, страдающая этим нарушением, была аллергиком (аллергия на

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 04–03–00311а «Сознание: эволюционные, когнитивные и социокультурные аспекты».

розы): не только от вдыхания их аромата, но и от одного вида картин-ки, на которой изображен этот цветок, она могла начать задыхаться. Одной из парциальных личностей, которая периодически захватывала власть, оказался мальчик десяти лет. Так вот, будучи мальчиком (ощущая себя мальчиком), она не только начинала говорить другим голо-сом и иначе вести себя. Самое интересное, что у нее совершенно про-падала аллергия на розы: она могла не только спокойно видеть изобра-жение цветка, но и вдыхать его аромат, и ничего с ней не происходило.

Как видим, в приведенном примере субстрат один и тот же — ор-ганизм женщины. Тем не менее функционирует он по-разному в за-висимости от того, кем она себя ощущает. Когда локус самоиденти-фикации помещается в *я* как целое, ее организм демонстрирует ост-рые аллергические реакции. Когда власть переходит к одной из парциальных личностей, тело начинает функционировать как-то по-другому и аллергических реакций вообще не возникает. Это значит, что фокус размещения *я* (локус самоидентификации) влияет на пара-метры функционирования субстрата.

Иными словами, человек субстанциально — один и тот же, но функционально он может быть разным в зависимости от того, *с ка-ким уровнем собственного существа он себя отождествляет*. А совре-менный человек, безусловно, размещает локус самоидентификации в плоскости «*я как целое*» (можно даже сказать, что это становится своего рода *выделенным режимом* его функционирования), которое вследствие диссоциации оказывается иной природы, чем мир¹. В ре-зультате совершающиеся в мире больше не является резонансным, созвучным тому, что происходит в человеке на уровне «*я как целое*», поскольку природа окружающего осталась прежней, недвойственной. Как следствие, у него возникает ощущение: то, что вне меня, — иное, другое, чужое, отличное от того, что есть я сам (*я как целое*, которое для современного человека технократической культуры и олицетво-ряет подлинное *я*, самость). Так появляется переживание барьера, границы, разделяющей *я* и внешний мир.

Аналогичные ощущения возникают и в отношении собственно-го внутреннего пространства, поскольку и здесь организм человека оказывается иной природы, чем он же на уровне «*я как целое*»: избе-жав диссоциации, базовые пласты сохранили качество недвойствен-ности в отличие от диссоциированного производного уровня. Вслед-ствие этого, *я* человека оказывается локализованным в тонкой про-слойке (своего рода «*пространстве поверхности*»), представляющей собой тот срез реальности под названием «человек», который был мною обозначен «человек как целое». На этой основе формируется структура, именуемая эго, самость.

Итак, в результате пережитой человеком (на уровне «я как целое») диссоциации выделился, «организационно оформился» особый слой (фактически тонкая прослойка, граница, поверхностная структура), опосредующая отношения организма со средой. Одной своей гранью эта структура соприкасается с внешним миром, другой — с внутренним своего собственного организма как совокупности систем. Это (я, самость) — структура уровня целого. Ее локализация — как раз граница внешнего и внутреннего пространства. Она предрасположена к поверхностному восприятию реальности именно потому, что такова ее собственная природа: это — плоскостное образование.

Отношение ко всему остальному миру у такого «я» по вышеописанным причинам будет как к чему-то, что отделено от него барьером, не дано в непосредственном переживании-усмотрении. Иными словами, остальной мир для *я как целого* оказывается чем-то отличным от него в глубинной своей основе, т.е. другой природы. Все это приводит к тому, что, когда человек функционирует в выделенном режиме, основной объем информации регистрируется *вне сферы сознания*.

Разумеется, данные о происходящем в мире воспринимаются во всех пластах: отдельных систем, их совокупности и на уровне целого. Это означает, что на всех этих уровнях существуют репрезентации воспринятого. Но так как фокус самоидентификации помещен в *я как целое*, то и в сфере досягаемости оказывается только та часть информации, которая фиксирована на этом уровне. Все остальное, что получило репрезентацию исключительно на базовых уровнях, субъектом не осознается и не воспринимается без специальных усилий или особого стечения обстоятельств.

Но что значит «ему доступна только та часть информации, которая фиксирована на уровне целого»? Что является тем средством, которое используется целым для постижения мира? Это способность, которая знакома нам как специфически человеческое сознание и которая сформировалась как адаптивно ценная компенсаторная стратегия, призванная сгладить негативные последствия нового отношения человека к миру после диссоциации. Иными словами, непосредственно доступной субъекту, поместившему фокус самоидентификации в эго, оказывается информация, извлекаемая в результате применения сознания и средств постижения, основанных на его использовании. Остальная же часть информации, которая была воспринята индивидом на базовых уровнях (отдельными системами и организмом как их совокупностью), оказывается вне сферы достижимости сознания. Это и значит, что она им *не осознается*. Тогда получается, что неосознаваемое — это то, что было воспринято субъектом на тех двух уров-

нях, с которыми он себя не отождествляет и которые оказались (в силу диссоциации целого) отделены от него барьером инаковости, не-данности в непосредственном переживании-усмотрении.

Когда говорят о неосознаваемом, обычно имеют в виду такие пласты психики человека, как подсознание и бессознательное. Эти термины часто используют как взаимозаменяемые. Однако, возможно, имеет смысл принять, что бессознательное — это уровень информационных процессов, содержания которого особенно трудно достижимы для целого из-за своей укорененности в слое внутреннего мира, который я назвала *уровнем отдельных подсистем*. А подсознание доступнее человеку как целому вследствие того, что его сферой локализации является уровень *человека как совокупности подсистем*.

Тогда получается следующая иерархия: сознание — это то, что имеет своей областью определения человека как целое, подсознание — человека как совокупность подсистем и бессознательное — человека как отдельные системы, входящие в его организм.

Хотя на уровне целого человек воспринимает внешний мир как нечто, отделенное от него барьером не-данности в непосредственном переживании, на базовых уровнях такого ощущения нет: здесь он той же природы, что и мир, поскольку эти пласты не подверглись диссоциации и, соответственно, не утратили возможности непосредственно воспринимать-переживать-знать происходящее в мире как во-мне-самом-совершающееся. Отсюда и некоторые особенности функционирования неосознаваемого. И в частности, общая с внешним миром природа этих пластов человеческой экзистенции делает проживание происходящего в мире как во-мне-самом-совершающегося для этих уровней ненасильственным и спонтанным. Отсюда — огромный объем фиксируемой информации, недискретность восприятия, недвойственность кодов.

Вернемся теперь к использованному в определении структуры это понятие «пространство поверхности». Несмотря на внутреннюю противоречивость, оно имеет интересный смысл. Это, конечно же, мнимость, которая сродни понятиям типа «иррациональное число». Зачем вводить и использовать такое понятие?

Поскольку речь идет о внешней и внутренней границе, где первая отделяет человека на уровне «я как целое» от внешнего мира, а вторая — его же от внутреннего мира (на уровнях «я как совокупность подсистем» и «я как отдельные подсистемы»), то, по логике вещей, существует и пространство (сколь угодно тонкое), чьими гранями называются эти плоскости. Это подобно тому, как мы можем говорить о двух сторонах одного листа бумаги. Но бумажный лист, каким бы

тонким он ни был, все же имеет толщину. Область же границы, вообще говоря, бессубстратна, поскольку в ее основе — ощущение, а не предметность; функция, а не субстанция. Поэтому можно сказать, что данное пространство является мнимостью. В то же время оно настолько реально, насколько может быть реальным непосредственное ощущение. Пространство поверхности *переживается* человеком как граница, отделяющая его эго, самость и от внешнего, и от внутреннего мира. Последнее кажется удивительным: ведь и внутри, и на поверхности одно и то же — человек. Тем не менее по всем проявлениям, *функционально*, структура, локализованная в интервале границы («эго», самость), распознает то, что локализовано внутри нее, как «не вполне я» или «тоже я, но не совсем я».

Итак, представление о границе как о мнимом пространстве, о «пространстве поверхности», позволяет отобразить подлинную природу феномена «я», самости, как фикции, имеющей, между тем, в своей основе подлинные переживания человека, природа которого диссоциирована. Поэтому и познание как проживание-в-себе возможно для человека как совокупности subsystem и невозможно для человека как целого («я», «самость»).

Тогда можно сказать, что субстратом эго, «самости» выступает пространство поверхности, интервал (иллюзорный, мнимый), разделяющий внешнюю и внутреннюю границу организма. И обыденное сознание, каким мы его знаем, — когнитивная способность именно *этого* уровня. Поэтому далее я буду называть его *эго-сознанием*². Из-за такой его природы эго-сознание и оказывается не в состоянии постигать сущность процессов в непосредственном, прямом усмотрении. Оно распознает в другом и репрезентирует своими средствами только то, что отвечает *его* природе: а именно информацию с поверхности объектов. Глубинные же процессы эго-сознание реконструирует, домысливает, используя модели, теории, формулируя гипотезы, выводя следствия и сопоставляя их с тем, что оно видит на поверхности объектов. Непосредственно постигать, проживая в себе как часть себя, оно глубинные процессы не может, поскольку они не соответствуют *его* природе. У него просто нет средств для такого размещения информации. И, напротив, глубинное сознание, субстратом которого является мир «внутри», именно так и воспринимает-постигает процессы вовне: как часть себя, потому что их природа та же.

Таким образом, можно сказать, что эго-сознание, формирующееся в процессе эволюции как адаптивно ценная способность, призванная компенсировать утрату возможности непосредственного прямого усмотрения происходящего в другом как во-мне-самом-совер-

шающегося, является способностью уровня «человек как целое». Ее не следует смешивать с сознанием как универсальной способностью, которая в духовных традициях понимается как организующая природу и логику функционирования мира. Кроме того, его следует отличать и от глубинного сознания. Последнее представляет собой способность, врожденную для человека, которая до пережитой им на уровне «я как целое» диссоциации была единственной связанной с возможностью постижения им мира.

Помещая локус самоидентификации в поверхностное «я», в эго, человек утрачивает глубину, объемность, поскольку связи с собственным внутренним миром (из-за пережитой на уровне «я как целое» диссоциации) он в обычных ситуациях практически не ощущает. Однако это не значит, что глубинное, объемное «я» вообще недоступно осознанию. Это значит, что соответствующие аспекты реальности «человек» (на уровнях отдельных subsystems и их совокупности) в данный момент находятся не в фокусе эго-сознания. Вместе с тем, именно ощущение внутренней неразрывной связи с собственным глубинным «я» дает чувство стабильности, защищенности, гармонии. Ведь на самом деле человек единопорядков, единосущностей миру, поверхностное же эго, самость — лишь тонкая пленка, разделяющая его же собственную глубину и мир³.

Эго, с которым субъект отождествляет себя с момента диссоциации, с полным на то основанием не чувствует связи с глубинным, высшим «Я»: у них действительно разная природа. Более того, оно и сложилось вследствие разрыва с глубинным «Я», утраты объема и сведения самоощущения к плоскости. Ведь эго формируется как адаптивно ценное представление, позволяющее индивиду сохранять целостность в условиях утраты изначальной, по природе присущей ему как структуре, устойчивости. В момент диссоциации происходит разрыв с глубиной, в результате чего изначальная целостная, устойчивая, гармоничная структура теряет все эти качества, становясь неустойчивой и склонной к распаду (т.к. в ней с этого момента преобладают центробежные тенденции). И представление об изолированном, противостоящем миру «я», призвано, с одной стороны, выразить происшедшую метаморфозу, с другой, нивелировать ее негативные последствия (объединить вокруг себя, произвольным усилием удержать в рамках общей структуры то, что уже по факту диссоциировано). Именно это (заметим, вполне верное!) самоощущение и лежит в основе стихийного убеждения эго в том, что окружающий мир опасен, враждебен, малейший диссонанс, — и хрупкое неустойчивое равновесие будет необратимо нарушено в пользу распада. (Когда я говорю

«верное самоощущение», это не значит, что мир и в самом деле такой. Это значит, что образованием с параметрами эго он будет *адекватно восприниматься* как такой.)

Влияние поверхностных структур на жизнь человека

Пока что речь шла в основном о важной приспособительной роли структуры, локализованной в пространстве границы человеческого организма (так сказать, «в пространстве поверхности»): эго и его когнитивного коррелята — эго-сознания. Но оборотной стороной ее достоинств являются ее недостатки. В частности, чем сильнее развиты эго и эго-сознание, тем жестче граница, отделяющая человека от мира и тем больше доля времени, проводимого им вне настоящего: в режимах прошлого (разного рода воспоминания и переживания по поводу них) и будущего (ожидания, которые в процессе их проживания рождают напряжение, а в случае их неисполнения вызывают жесткие разочарования и усиливают общую неудовлетворенность качеством жизни). Кроме того, чем мощнее эго-сознание, тем более развитой и устойчивой оказывается конструируемая им картина мира, где искажающие преобразования информации в процессе ее выведения на уровень эго-сознания (чтобы она оказалась соответствующей его стандартам) максимальны. Есть и целый ряд других негативных следствий функционирования сильно развитого эго-сознания, которые пока оставим в стороне. Достаточно сказать, что все духовные традиции в один голос рекомендуют практики, позволяющие ослабить (а в идеале устранить) диктат эго. Но сделать это непросто. И даже в том случае, если субъект выбирает такой путь своей сознательной целью, предпринимая многочисленные и упорные усилия в данном направлении, достичь искомого удается далеко не всегда. Вместе с тем, именно с подобным достижением духовные традиции связывают обретение целостности, прозрачной ясности восприятия, непоколебимого внутреннего покоя.

Как же грамотно поступить в непростой ситуации: с одной стороны, эго-сознание и вся культурная традиция, связанная с его доминированием, — необходимая и неустраняемая составляющая нашей жизни; с другой, — оно же — причина многих эмоциональных, психологических и даже физиологических проблем современного человека? Если индивид хочет гармонизировать свою жизнь, осознавая, что причина многих его трудностей — избыточно развитое эго-сознание, превратившееся в того самого слугу, что незаконно присвоил себе

роль хозяина его жизни, то что можно в этом направлении предпринять, чтобы не разрушить собственной адаптированности и вписанности в общепринятый социальный контекст?

Мне думается, что, борясь как с эго, так и с эго-сознанием, проблемы не решить, ведь сила действия равна силе противодействия: человек лишь усилит противоположные тенденции, усугубив внутренний конфликт. Поверхностные структуры — мощные образования и воевать с ними трудно и бесплодно, в конце концов, они — сам человек, точнее, определенная его часть. Но можно направить на них их же ресурсы. Дело здесь вот в чем.

Поверхностные структуры не имеют субстанциальной представленности в реальном мире, поскольку являются своего рода мнимостями, иллюзорными феноменами, укорененными, скорее, в особенностях переживания своего статуса диссоциированным человеком, чем в самой природе реальности. В связи с этим, вступить в непосредственное взаимодействие с реальным миром они не могут. Это оказывается доступным только через ресурсы двух базовых уровней.

Поскольку эго и эго-сознание формируются как адаптивно ценный *инструмент* обеспечения жизнедеятельности человека в изменившихся после диссоциации условиях⁴, постольку организм на уровне своих subsystems и как их совокупность *заинтересован* в их существовании. Это выражается в том, что базовые уровни фактически берут его на свое иждивение, обеспечивая его функционирование доставляемой ими «пищей» подлинных впечатлений, полученных в режиме настоящего. Таким образом, реально оказывается, что эго (самость) и эго-сознание «живут» за счет использования ресурсов двух других пластов. Происходит последнее потому, что обмен энергией со средой осуществляется только в режиме настоящего. Но это тот режим, в котором эго-сознание очень мало функционирует. Его вотчина — прошлое и будущее, можно сказать, не-настоящее, как единый режим, противоположный режиму настоящего. Это воспоминания и ожидания, все то, чего нет уже и нет еще. То же, что имеется в данный момент, его мало интересует, потому что им практически не воспринимается: существующее в данный момент, т.е. в режиме настоящего, объемно, а эго-сознание — плоскостное образование. Соответственно собственным параметрам, информацию объемного уровня оно в окружающем не распознает и не кодирует своими средствами. Поэтому его «пищей» служат переживания-впечатления, получаемые в результате функционирования других сетей распознавания и кодирования информации. Эго-сознание их присваивает, переводя на собственный язык и располагая их в собственных ассоциативных сетях.

Только то, что совершенно уж недоступно ему, т.к. прямо противоположно его природе, оно не использует. Но зато игнорирует подобного рода содержания, считая их не существующими. Это так называемые интуитивные переживания-усмотрения, поступающие по каналу «непосредственного чувства».

Переживания-впечатления, получаемые репрезентативными системами «первых двух уровней, эго-сознание утилизирует, в последовательной и систематической форме уплощая их объемность. То, что существует на самом глубоком уровне и, по сути, представляет собой недифференцированные, слитые, синкретичные динамики-переливы энергии, сначала распознается как «приятное-для-меня» — «неприятное-для-меня». Затем в результате видоизменения, включающего выделение доминирующего мотива и отбрасывания (игнорирования) «не важных-для-меня» составляющих опыта (а это выделение осуществляется, конечно же, под влиянием установок, стереотипов, сложившихся устойчивых паттернов реагирования и пр.), такие динамики энергии означиваются как ощущения (тепло, холодно, колет, давит, чешется, болит и т.п.). Эти ощущения подвергаются новым изменениям, правда, лежащим в том же русле уплощения переживания, и означиваются как эмоции той или иной модальности. Здесь уже, как нетрудно понять, от первоначальной неоднозначности исходных динамик энергии остается еще меньше подлинного содержания. И напротив, еще больше увеличивается доля «достроенного» в соответствии с распознанной (присвоенной) категорией переживания (а по сути, навешанного ярлыка). И наконец, результирующее содержание может отвергаться как нежелательное, если его параметры (характеристики) по тем или иным причинам неприемлемы (нежелательны, а то и просто нереальны, т.к. не предполагаются его картиной мира) для эго-сознания.

В результате всех этих сложных и многоступенчатых процедур преобразования исходной информации то, что оказывается достоянием эго-сознания, предельно уплощено и в точности соответствует его собственной природе (да и как бы могло быть иначе, если не соответствующее собственной природе ни одна репрезентативная система не способна кодировать своими средствами). Кроме того, результирующее содержание сильно искажено по сравнению с исходными параметрами, поскольку, как мы помним, претерпело последовательную и многоступенчатую трансформацию, где «второстепенное» было отброшено, нежелательное — проигнорировано, а искомое (или привычное, или ожидаемое) — акцентировано и усилено в результате его фиксации в категориальной сетке под тем или

иным ярлыком. Ведь ярлык сам по себе предельно суживает содержание именуемого за счет выделения какого-то такого качества (свойства, характеристики), которое уже имеется в категориальной сетке данного языка и которое обще многим объектам, т.к. язык — самая «экономная» репрезентативная система.

Понятно, что от изначальной синкретичной и недифференцированной целостности поступившего сигнала в результате таких преобразований осталось не просто мало, а очень мало. Кроме того, оставшееся может сильно исказить первоначальное, поскольку имело место видоизменение информации эго-сознанием «под себя», в соответствии с собственными параметрами. И это в лучшем случае, в идеале, т.е. если человек был максимально открыт и максимально честен. Это тот вид искажения, который диктуется параметрами кодирующей репрезентативной системы.

Но совершенно неизбежны искажения, привносимые индивидуальными параметрами каждой такой системы, т.е. индивидуальным эго-сознанием каждого отдельного человека, для которого характерны собственный исторический, культурный, генетический багаж, а также имеется неповторимый личностный опыт истории формирования и развития данного конкретного индивида. Все эти параметры повлияют на характер и объем искажений информации в ходе ее трансформации под параметры эго-сознания вообще и эго-сознания данного конкретного индивида в частности. Не удивительно, что в результате таких преобразований от первоначального содержания остается лишь тень, иллюзия исходного импульса (воздействия). Вот с такими содержаниями и работает эго-сознание.

Возникает понятный вопрос: как же при таком искажении человек живет и выживает в окружающем мире? Ведь если исходное содержание так сильно трансформировано, а иной раз и вообще извращено, то как же субъект сохраняет способность ориентироваться в так видимом мире? Почему, условно говоря, он не натывается на столы и стулья, если его представления об имеющемся, мягко говоря, не очень соответствуют действительности?

Относительно столов и стульев все ясно: система перцептивных впечатлений претерпевает меньшие трансформации, чем вербально оформленные содержания, к тому же эго не заинтересовано в том, чтобы брать под систематический контроль формирование и функционирование такой информации: массивы переработки данных, лежащих в основе результирующего перцептивного образа, превышают возможности эго-сознания, и по объемам и по скоростным параметрам. Это то, что оно не может ни при каких условиях во всех

деталей и в полном объеме самостоятельно осуществить, но в чем, безусловно, нуждается для нормальной жизнедеятельности обеспечивающей его выживание структуры — самого человека. Поэтому, можно сказать, эго-сознание в обычных условиях при нормальных обстоятельствах и не претендует на эту роль, хотя на определенных этапах, безусловно, участвует в формировании такого образа.

Сильнее же всего влияние эго-сознания в вербально оформленных содержаниях. И именно такие содержания лежат в основе транслируемой картины мира. Поэтому у людей и существует спонтанное и неосознанное убеждение в том, что картина реальности у всех одинакова. И значит, объективная реальность объективна в том смысле, что она такова и есть, какой ее видят все. Ловушка в том, что мы не знаем и не можем знать, какой ее видят все и каждый отдельный человек. Мы можем знать, какой ее *говорят, что видят* люди и каждый отдельный человек. Но что стоит за этими словами во внутреннем мире каждого конкретного индивида, — мы не знаем и не можем знать. И не только потому, что изрекаемая информация прошла все те искажения (опускания и акцентирования), о которых уже говорилось. Но и потому, что масса параметров функционирующей на базовых уровнях информации никогда и не проходила барьера эго-сознания, поэтому вообще не будет представлена ни в «объективной» картине мира данного человека, ни в том, что он будет способен рассказать о ней, чтобы прийти относительно ее параметров к консенсусу с другими наблюдателями (субъектами). При этом на первых двух уровнях такая информация будет, несомненно, представлена, однако человек не сможет об этом не только рассказать другому (поделиться своим опытом, чтобы сформировать более адекватную картину реальности), но и отследить сам, поскольку подобная информация его эго-сознанием не кодирована.

Итак, можно сказать, что эго-сознание, по природе своей, — адаптивно ценное когнитивное средство, призванное обеспечить выживание человека в условиях изменившейся реальности, в которой он обнаруживает себя в результате трансформации, представленной в Библии мифом о грехопадении. Именно это средство позволяет ему в новых условиях решать те задачи, которые в прежних условиях брали на себя постижение как непосредственное усмотрение, как проживание в собственном внутреннем мире параметров другого как части самого себя.

Однако со временем слуга берет на себя роль хозяина, и отныне уже не эго-сознание служит интересам человека, а человек (на базовых уровнях) используется как средство, обеспечивающее возраста-

ние представленности эго-сознания в мире. Осуществляется это за счет многоступенчатого преобразования информации, в результате которого исходные многозначные, объемные, нечеткие сигналы становятся удовлетворяющими параметрам эго-сознания: плоскостными (лишенными объема), однозначными (избавленными от неопределенности), четко дифференцированными по разным модальностям.

Понятно, что наш мир отстроен в соответствии со стандартами эго-сознания, поскольку это именно та доминирующая структура, в которую человек помещает локус самоидентификации, отождествляясь с ней. И естественно, человек адаптирован к так видимому миру. Но одна из проблем заключается в том, что ему приходится довольно дорого платить за тот уровень влияния и развития эго-сознания, который представлен в его жизни. Дело в том, что, когда эго-сознание преобразует исходную информацию «под себя», оно лишает низлежащие системы, чьи содержания и послужили первоначальным материалом для трансформации, «пищи собственных впечатлений», беря в переработку и присваивая их содержания. И тем самым лишает энергии человека, поскольку он снабжается энергией только в режиме настоящего, в котором и функционируют его первые два уровня. А эта энергия необходима для нормальной жизнедеятельности. Это — аналог физической пищи, которую получает тело, своего рода «пища впечатлений». Она нужна человеку как воздух. Но эго-сознание, взяв ее в оборот, преобразовав под себя и разместив в своих категориальных сетях, фактически отбирает ее у базовых систем. В результате субъект ощущает постоянную нехватку энергии. Это то, что А. Минделл называет хронической формой легкой депрессии, непрерывно испытываемой современным человеком в технократической культуре, и что связывает с игнорированием Сновидения (аналог бессознательного Юнга). Ч. Тарт говорит об этом как об утрате способности переживать безусловное счастье. Экхарт Толле — как об утрате способности испытывать спонтанную радость, радость не потому, что что-то удачное произошло, а потому, что это неотъемлемое качество нормального переживания-проживания Бытия.

**Бей врага его же оружием, или «Тот, кто нам мешает,
нам и поможет»**

Итак, поверхностные структуры — эго, самость, эго-сознание — мощные образования. Они сыграли и продолжают играть важную роль в жизни человека. Борьба с ними тяжело и в значительной степени

бессмысленно, потому что они — часть человека и, борясь с ними, он лишь усиливает внутренний конфликт, ведь сражаться приходится с самим собой. Потому и терпят поражение в этой изматывающей борьбе многие подвижники, чуть ли не жизнь свою кладущие на то, чтобы уничтожить, стереть эго, самость, выдрессировать, накинуть узду на эго-сознание.

А не поступить ли нам хитрее: вместо того, чтобы пытаться подавить или разрушить эти структуры, не использовать ли с выгодой для себя то самое качество, которое и наносит, возможно, наибольший ущерб современному человеку?⁵ А именно ту особенность эго-сознания, что для обеспечения собственного функционирования оно утилизирует пищу подлинных впечатлений, доставляемых человеку базовыми уровнями, чем истощает его, а также препятствует проживанию настоящего в режиме «здесь и теперь»⁶ — единственном, ресурсном для человека. Иными словами, если негативность воздействия эго-сознания на жизнь человека в значительной степени состоит в том, что для своего функционирования оно использует пищу реальных впечатлений, лишая их жизненности и превращая в некие ярлыки, мнимости того же рода, что и оно само, то, прилагая эту его способность к негативным, травмирующим переживаниям, мы имеем возможность точно так же лишить их жизненности, как это происходит и с позитивными, ресурсными состояниями, становящимися «пищей» эго-сознания. В этом случае мы, что называется, убиваем сразу двух зайцев: задействуем ресурсы эго-сознания на благие цели, тем самым предотвращая непродуктивное его функционирование, когда оно вхолостую крутится, истощая человека, т.к. выбивает его из режима присутствия в настоящем; и во-вторых, в самом позитивном и продуктивном ключе используем так называемые «трудные» эмоции, травмирующие переживания. Ведь когда человек старается их не замечать, подавлять, организм все равно найдет возможность донести их до него в форме телесных симптомов. Если же индивид отдается во власть их стихийного проживания («зависает» на них), силы и ресурсы его истощаются еще быстрее.

В предлагаемом варианте решения проблемы не происходит ни того, ни другого. Наоборот, с одной стороны, субъект принимает послание, которое несут «трудные» эмоции, драматичные переживания, помещая их в фокус эго-сознания (в связи с чем организму не придется доводить их до него в форме телесных симптомов); с другой, — человек не застревает в них, проживая их снова и снова раз за разом и истощая себя. Напротив, эго-сознание, характерной особенностью которого является отсутствие собственных энергетических ресурсов

(пищи собственных впечатлений) и которое поэтому в процессе своего функционирования «съедает» энергию исходного переживания, благополучно «утилизует» жизненность этих «трудных» эмоций, очистив человека от негативности и разрядив их исходный разрушительный потенциал.

Ну и еще один замечательный «побочный(!)» результат: задействуя ресурсы эго-сознания в выгодном для нас ключе, мы, во-первых, разотождествляемся с ним (ведь тот, кто наблюдает и использует, — больше уже не то, что наблюдается и используется, т.е. *локус самоидентификации в момент наблюдения работы эго не размещается в эго*). Во-вторых, отслеживая и распознавая его работу, мы становимся *глубинно* сознательными, поскольку используем ресурсы эго-сознания по назначению, т.е. как слугу, а не как хозяина нашей жизни. И, в-третьих, привязываем его по собственному выбору, произвольно, научаясь реально контролировать его активность, превращая ее из неуправляемой и потому разрушительной силы в управляемую и потому созидательную и полезную. При этом (заметим, опять же, как побочный продукт) будет происходить ненасильственное ослабление самости, достигаемое не в результате внутренней борьбы или подавления, а вследствие привычки к переживанию режимов пребывания в состоянии *глубинного* сознания, которое и направляет на самом деле течение событий в ситуациях, когда эго-сознание используется человеком как слуга.

Таким образом, можно сказать, что использованное в нужное время в нужных обстоятельствах и в нужном ключе эго-сознание играет чрезвычайно плодотворную роль.

Итак, глубинное сознание — это врожденная, присущая человеку по природе способность постижения всем своим существом («нутром», отсюда «*в-нутр-еннее*») происходящего в другом как во-мне-самом-совершающегося⁷. В основе способности такого постижения лежит соответствующая возможность, связанная с тем, что глубинно, по своей внутренней сути, он той же природы, что и мир. Поэтому происходящее в мире оказывается резонансно человеку в той его ипостаси, которая сохраняет неразрывную связь с собственной глубиной, с собственным внутренним миром. Это существенный момент, поскольку после эпизода филогенетической истории, представленного в Библии как грехопадение, человек утрачивает непосредственное переживание собственной глубинности, т.к. помещает локус самоидентификации в эго, являющееся поверхностной структурой уровня границы. Или, как я это назвала, структурой пространства поверхности.

На базе этой структуры формируется соответствующая ей когнитивная, познавательная способность, характерной особенностью которой является возможность считывания информации с поверхности объектов. Последнее обусловлено тем, что любая кодирующая система способна распознавать в окружающем и репрезентировать своими средствами только то, что соответствует ее собственной природе. Поэтому плоскостная структура — структура уровня «пространство поверхности» — будет распознавать в окружающем и выделять в потоке поступающей информации только однопорядковые ей сигналы. Иными словами, в окружающем, которое может быть любой природы, она увидит и выделит только то, что единосушностно ей, т.е. представляет собой информацию с поверхности объектов. Их глубинной природы эго-сознание в непосредственном постижении «не знает», иными словами, не может получить как объект непосредственного прямого усмотрения, но «добирается до нее» через всевозможные модели и реконструкции. Поэтому глубинную, сущностную природу мира эго-сознание воссоздает (настолько, насколько это вообще возможно) в процессе мыслительно-преобразовательной деятельности.

Глубинное же сознание, напротив, в качестве субстанциальной основы имеет весь организм человека, который играет роль инструмента внутренней репрезентации происходящего в другом как во-мне-самом-совершающегося. Возможность подобного непосредственного знания-усмотрения связана с тем, что человек — глубинно, по своей внутренней природе, однопорядков миру, он с ним «одной крови». Соответственно, резонансным «глубинному человеку» оказывается глубинный мир, мир как то, что скрывается за поверхностью объектов и что эго-сознанием непосредственно не воспринимается, но лишь *до-мысливается* в ходе познавательного манипулирования.

Как я стремилась показать, уровень «человек как целое», являющийся базовым для формирования как поверхностного *я*, так и эго-сознания, представляет собой лишь один из возможных, а именно поверхностный пласт функционирования (и, соответственно, рассмотрения) человека. Существуют и такие уровни, которые соответствуют глубинному в нем. Человека, размещающего локус самоидентификации в этих пластах, можно назвать «объемным» человеком, тем, кто сохраняет внутреннюю связность и целостность на всю свою глубину. После грехопадения, повлекшего перемещение локуса самоидентификации в пласт «человек как целое», глубинно человек оказывается иной природы, чем он же в «пространстве поверхности». Отныне на этом уровне он диссоциирован, тогда как глубинно он

сохраняет прежнюю свою природу, единсущностную миру. В результате в качестве объемного существа он оказывается способен получать информацию о внутренней природе другого в прямом непосредственном усмотрении, тогда как на поверхностном уровне — ресурсами эго-сознания — подобное постижение оказывается неосуществимо. Орудия эго-сознания — мыслительные преобразования, осуществляемые с опорой на данные, полученные в результате восприятия информации с поверхности объектов. А дальше — модели и реконструкции, абстракции и идеализации, гипотезы и теории — таков путь познания, опирающегося на ресурсы и средства (выразительные возможности) эго-сознания.

Итак, можно сказать, что глубинное сознание человека, чьим инструментом является весь его организм, а базовыми структурными уровнями — отдельные subsystemы и организм как их совокупность, сохраняет возможность прямого непосредственного усмотрения происходящего в другом (постижения) как в-самом-человеке-совершенствующегося. Напротив, эго-сознание не только не способно к самостоятельному получению подобной информации, но «не читает» ее и в данных собственного внутреннего мира (собственных внутренних систем распознавания и кодирования информации). Именно из-за того, что эго-сознание такой информацией не располагает, мы и склонны считать ее вовсе не существующей (ведь выделенным режимом функционирования современного человека является режим уровня «я как целое»). В концептуальных же построениях на эту тему она именуется неосознаваемой (подсознательной, бессознательной), поскольку теоретические и логико-методологические выкладки показывают, что ее не может не быть, при том что сознание (а на самом деле эго-сознание) о ней не осведомлено.

Примечательно, что даже и лингвистически совершенно адекватно выражает признание данных пластов психики лишь соотносительно с сознанием: под-сознание, бес-сознательное. Это отчетливо и явно (хотя мы обычно и не придаем этому значения) указывает на то, что в нашем сегодняшнем миропонимании данные феномены не имеют собственного онтологического статуса, что с позиции современных теоретических представлений они определены только как противопоставляемые чему-то третьему, а не сами по себе.

На самом деле и то, что мы именуем подсознанием, и то, что мы называем бессознательным, — это компоненты глубинного сознания, причем первое из них имеет своей областью определения человека как совокупность subsystem, а второе — его же, но на уровне «организм как отдельные subsystemы». И только потому, что эго-сознанию

они не даны в непосредственном прямом усмотрении из-за иноприродности с ним, они в нашей культуре, в нашей эго-традиции предстают как не имеющие собственного статуса, как определенные лишь в их соотносительности с сознанием: *под-сознание*, *бес-сознательное*⁸. И это совершенно понятно: если они противоположны эго-сознанию и по своей природе, и по механизмам получения информации, а именно оно представляет собой выделенный режим функционирования современного человека, под ценности, стереотипы и когнитивные стили которого подстроена вся наука и культура, они и будут иметь статус чего-то не вполне совершенного, не подпадающего под стандарты эго-сознания, «не дотягивающего» до его уровня.

Границы применимости разных режимов

И в заключение несколько слов о режиме полноты присутствия в настоящем, упоминавшемся выше как желательный, наиболее ресурсный для человека, единственный, в котором и осуществляется нормальный обмен со средой, приносящий человеку «пищу» непосредственных впечатлений.

Замечательный китайский живописец Ши Гу одну из своих работ с исключительным по красоте пейзажем, от которого так и веет неизмеримой глубиной и покоем, назвал так: «Будда — это сердце человека, в котором отразился мир». На первый взгляд это утверждение может показаться просто прекрасной, очень глубокой и выразительной метафорой. На самом же деле оно точно и емко выражает состояние полноты присутствия в настоящем, когда человек растворяется в мире, становясь миром. Именно об этих состояниях в буддизме и в дзэн говорится как о таких, когда только и происходит действительное, подлинное познание.

Как писал в свое время Д. Т. Судзуки: «Можно задаться вопросом, как художник углубляется в дух изображаемого?» ... Секрет в том, чтобы стать растением. Но как человек может стать растением? ... На практике это достигается посредством интроспективного рассмотрения растения. При этом сознание должно быть полностью свободно от субъективных эгоцентрических мотивов. Оно становится созвучным Пустоте, или *таковости*, и тогда человек, созерцающий объект, перестает осознавать себя отличным от него и отождествляется с ним. Это отождествление дает возможность художнику чувствовать пульсацию жизни, которая проявляется одновременно в нем и в объекте.

Вот что имеют в виду, когда говорят, что субъект теряет себя в объекте и что не художник, а сам объект рисует картину, овладевая кистью художника, его рукой, его пальцами»¹⁰.

Если воспользоваться метафорой Ши Гу, можно сказать, что человек попадает в режим *сердца, отражающего мир*, тогда, когда оказывается способным полностью, до конца присутствовать в настоящем. В этот момент знание для него реализуется как непосредственное прямое усмотрение. Это оказывается возможным только в том случае, если его эго больше не определяет параметры его восприятия. А это происходит тогда, когда он перестает идентифицировать себя с самостью и снова ощущает-переживает себя как глубину, объем. Тогда эго-сознание умолкает, растворяется в более фундаментальной глубинной способности постижения как непосредственного прямого усмотрения, которая присуща человеку по природе (врожденна) и которая была представлена как единственная до того момента, когда на уровне «организм как целое» он пережил диссоциацию (что в конечном счете и привело к возникновению эго-сознания). В этот момент поверхностные структуры (эго, самость, эго-сознание, мысль как инструмент познания) обретают свое подлинное, реальное, по праву принадлежащее им место: подчиненных инструментальных образований, выполняющих ценную для человека функцию обеспечения его жизнедеятельности в тех ситуациях, когда он *считает полезным для себя* переключиться в режим стороннего наблюдателя по отношению к происходящему в мире. Если же он находит желательным переключение в режим глубинного сознания, он может сделать это преднамеренно и по своему выбору (а не спонтанно, произвольно, в результате пиковых переживаний, пограничных ситуаций или за счет использования психотропных средств).

Может возникнуть вопрос: зачем человеку, обретшему способность произвольно достигать состояния полноты присутствия, растворенности в мире, когда постижение осуществляется как непосредственное прямое усмотрение, — зачем такому человеку вообще переходить в режим «пространства поверхности»?

В этой связи мне вспоминается замечательная суфийская поучительная история, которую приводит Идрис Шах¹¹. Ею я и хочу закончить повествование.

Один ученый очень ревниво относился к известности и уважению, которыми суфийский мастер пользовался и при дворе правителя, и у жителей страны. Поэтому он часто публично нападал на него, доказывая, что все, о чем говорит мастер, не выдерживает никакой критики. И вот однажды он бросил ему в лицо такое обвинение: «Ты

говоришь, что мудрый способен непосредственно воспринимать глубинную суть вещей. На самом деле твои слова ничего не стоят, потому что сегодня на базаре тебя обманули, всучив зеленый арбуз. Где же была твоя проницательность?»

На это мастер сказал, что в данный момент отсутствуют необходимые условия для того, чтобы ответ прозвучал и был услышан. Но если ему позволят на некоторое время взять ученого с собой, чтобы кое-чему научить, он берется подготовить наглядную демонстрацию ответа на заданный вопрос.

Ученому очень не хотелось отправляться с дервишем, да он и не считал, что нуждается еще в каком-то обучении, поэтому стал отказываться. Однако правитель, которого заинтересовал предмет спора, провозгласил: или ученый выполнит пожелание мастера и пройдет предварительное обучение, необходимое для подготовки демонстрации, или до конца своих дней будет считаться шакалом. Зачинщику спора, конечно, совершенно не хотелось носить это «гордое» звание и он скрепя сердце согласился отправиться с дервишем в путь.

Они поднялись в горы, где провели три дня, в течение которых мастер знакомил своего нового ученика с некоторыми дервишскими знаниями. Затем они вновь спустились в город. На базарной площади собрался народ, там же присутствовал правитель со своим двором. Мастер сказал, что в данный момент условия, необходимые для демонстрации ответа на ранее прозвучавший вопрос, сложились. Сейчас он положит руку на плечо своего оппонента и передаст ему часть своей восприимчивости. Когда к тому начнут подходить люди из толпы и склоняться перед ним, он будет воспринимать их тайные мысли. Эта восприимчивость и явится ответом на вопрос, почему дервиш не пользуется своими силами постоянно.

И вот по мере того, как к ученому один за другим подходили люди, лицо его выражало все усиливающееся страдание. Он стал выкрикивать бессвязные фразы. Глядя на одного: «Этот человек, как он отвратителен!». Глядя на другого: «Не делай того, что задумал, о человек! Это приведет тебя к гибели!» Увидев следующего, он сказал: «Этот человек выглядит как злодей, но именно он станет орудием спасения многих».

Ученый говорил так бессвязно, что людям казалось, будто он лишился рассудка. Лицо его избороздили старческие морщины, борода поседела.

Спустя примерно час он скинул со своего плеча руку дервиша и, бросившись правителю в ноги, взмолился: «Ваше величество! Не могу я больше выносить это знание! Я видел людей, которые выглядят как святые, но только притворяются. Хуже того, я видел тех, кто считает-

ся праведным, хотя их порочность как раз в том, что они принимают избранный ими путь за истинный. Я видел и переживал то, что, как считается, невозможно человеку пережить».

«Какую мудрость ты извлек из этого опыта?» — спросил король.

Ученый ответил:

«Я понял, что любой человек, будь он всегда в состоянии воспринимать истинное положение, в котором пребывают люди, сошел бы с ума».

Тогда дервиш сказал:

«Теперь вы поняли, что дервишское знание включает в себя знание того, когда бодрствовать, а когда оставаться во сне».

Такова эта поучительная история, и мне кажется, к ней нечего добавить: она не нуждается в комментариях.

Примечания

- ¹ Подробнее об идее диссоциации (на модели библейского мифа о грехопадении) и ее роли в эволюции человека см.: *Бескова И.А. Эволюция и сознание: новый взгляд.* М., 2002.
- ² В отличие от глубинного сознания как способности постижения, которая до поворотного эпизода эволюционной истории, представленного в Библии как грехопадение, была у человека единственной.
- ³ В юнгианской традиции понятие самости имеет другое значение, близкое к тому, которое подразумевается под высшим «я» (условно его можно было бы обозначить как Я заглавное). Однако в восточной традиции то, что в статье названо поверхностным «я», самостью, предстает как замутняющая иллюзия, препятствующая продвижению человека по Пути и достижению конечного просветления. Великий Руми так сказал о ней: «Самость — заслонка против ветерка несуществования». И в другом месте, говоря о бессмертии как о единении с Богом: «Сначала это бессмертие состоит в умирании самости» (*Руми Джелал ад-Дин. Сокровища воспоминания.* М., 2002. С. 66, 30).
- ⁴ Когда индивид утратил возможность в русле прежних стратегий взаимодействовать с миром.
- ⁵ Как в «Кавказской пленнице» с загадочной улыбкой говорит персонаж Мкртчяна, имея в виду Шурика: «Тот, кто нам больше всех мешает, тот нам и поможет».
- ⁶ Как сказал Д.Т.Судзуки: «Когда человек осознаёт, что нечто с ним происходит, этого с ним больше не происходит».
- ⁷ Хотелось бы выразить благодарность редактору-корректору моей статьи, который уточнил этимологию слова «внутренний»: вън+утр (ср.: *утроба*), где «вън» — славянский префикс.
- ⁸ Так и чувствуется некий оттенок уничтожения, хотя по всем параметрам они оказываются мощнее сознания (эго-сознания): и по объемам перерабатываемой информации, и по скорости переработки, и по степени влияния на процессы принятия решений человеком. И все равно «под-», «бес-»: какими бы влиятельными вы ни были, вы всего лишь нечто, не соответствующее стандартам эго-сознания!
- ⁹ В этом отрывке речь идет об изображении растения (гибискуса), сделанном в XIII в. Моккеем (Му-цзи) и считающемся национальным достоянием Японии.
- ¹⁰ *Судзуки Д.Т. Мистицизм: христианский и буддистский.* Киев, 1996. С. 43–44.
- ¹¹ *Идрис Шах. Наблюдения за покровом.* М., 2001. С. 60–62.